

— Что это у тебя за взгляд? — недовольно спросил Гань Буго, заметив странную реакцию Шэньту Цяна.

«Я же не извращенец какой-то, чтобы так на меня пялиться»

— Зачем тебе... женщины? — Шэньту Цян шумно сглотнул.

— Как зачем? Стирать, шить, наводить порядок! — раздосадованно пояснил Гань Буго. — У меня тут столько рулонов ткани скопилось, надо же пустить их в дело. Сам я шью так себе, руки не из того места растут.

— Так вот ты о чём подумал, — заметно расслабился Шэньту Цян и с облегчением выдохнул. — Ладно, пришлю тебе работниц. Только учти, у многих из них дети. Как с этим быть?

— С детьми? Пусть живут здесь, места хватит. Но раз появятся дети, их нужно будет учить. Не расти же им неучами, — Гань Буго, как всегда, зрил в корень и продумывал всё наперёд. — Значит, нам понадобятся как минимум двое учителей и один классный руководитель.

Шэньту Цян лишь горько усмехнулся.

— В Граде Льда и Снега десять тысяч детей на сто тысяч жителей, а школы нормальной до сих пор нет. С ними занимаются всего несколько уцелевших учителей под присмотром старого директора. Ютятся прямо в приюте.

Старики тоже помогали по мере сил, каждый старался быть полезным общему делу. Дармоедов в Граде не держали, но даже с учётом этого Шэньту Цяну и его верным помощникам приходилось несладко — управиться со стотысячным городом задача не из лёгких. На всю эту массу людей приходилось чуть больше десяти тысяч эсперов и около пятидесяти тысяч трудоспособных граждан, но и остальные не сидели сложа руки.

Эсперы разрывались между охотой и обороной Града. Разбойники и дикие эсперы из пустошей не раз зарились на Град Льда и Снега, мечтая подмять его под себя, но бойцы резиденции градоправителя раз за разом давали им жёсткий отпор.

— Тогда... почему бы для начала не позвать сюда супругов тех мужчин, которые уже работают у меня? — предложил компромиссный вариант Гань Буго. — Семейные общегития пустуют, пусть селятся вместе. Негоже людям месяцами жить в разлуке.

— Хм, надо обдумать. И поспрашивать их самих, — Шэньту Цян озадаченно нахмурился. Он отлично помнил, что у многих рабочих жёны в Граде без дела не сидели. Взять хотя бы Цуй Гу: его супруга трудилась на первой текстильной фабрике, держалась за своё место, да и двое ребятишек от неё ни на шаг не отходили.

— А как насчёт одиноких женщин? Или матерей-одиночек? Пусть приезжают с ребятами, я разрешу. Работать детей никто заставлять не станет, — Гань Буго озвучил условия, от которых трудно было отказаться. — И учителей им организуем. Уж три-четыре педагога в твоём стотысячном Граде точно найдутся. Старики, молодёжь — неважно, лишь бы могли обучить детвору грамоте.

Гань Буго ни на секунду не сомневался, что в таком огромном поселении найдутся грамотные люди. В нынешние времена о высоком качестве образования никто и не заикался — лишь бы дети читать и писать умели, не превращаясь в дикарей. Предложение Гань Буго заставило даже Шэньту Цяна позавидовать будущим работникам.

— Условия и впрямь заманчивые, — признал он.

— Естественно. Надо же как-то завлекать к себе рабочие руки, — с улыбкой отозвался Гань Буго. — Я ведь богатый наниматель, могу себе позволить.

Шэньту Цян не удержался от ответной улыбки.

— Это уж точно. Самый богатый во всей округе.

Они быстро пришли к соглашению: отобрать двадцать женщин, включая матерей-одиночек, и трёх-четырёх учителей. Так Гань Буго не только решит вопрос с кадрами, но и позволит многим рабочим наконец-то воссоединиться со своими половинками.

Жалование и паёк женщинам полагались точно такие же, как и мужчинам во главе с Цуй Гу.

— У нас тут равноправие, — твёрдо заявил Гань Буго.

Шэньту Цян от души расхохотался.

— Хорошо сказано! Да будет равноправие.

— Времени у нас в обрез, — посерьёзней Гань Буго. — Когда в следующий раз поведёшь людей, захвати побольше пустой тары, а обратно загрузишься провизией. Моей платой как раз и станут стеклянные банки, глиняные горшки и прочая посуда для упаковки. Сам я посуду делать не умею. Кстати, а можно заказать глиняные горшки покрупнее, литров на шесть-семь?

— Зачем тебе такие бадьи? — подмигнул ему Шэньту Цян. — Неужто свинину тушёную засаливать будешь?

Пять килограммов жирного мяса в один кувшин — это было бы мощно.

— У меня тут оборудование для производства соевой пасты простаивает. Буду заквашивать её, фасовать по горшкам и продавать вашему Граду Льда и Снега, — Гань Буго принялся увлечённо загибать пальцы. — А ещё вяленое мясо, домашние колбасы, детская красная колбаса, солонина, крупы, овощи, фрукты... Запасов у меня — завались.

— Запасов у тебя и впрямь горы, да только Граду Льда и Снега предложить взамен почти ничего, — с горечью вздохнул Шэньту Цян. — Столько рабочих рук тебе здесь просто без надобности. Да и банками-склянками вечно расплачиваться не станешь, куда тебе столько посуды? К тому же, твоё производство при всём желании не сможет прокормить весь город. Разве что спасёт от самой лютой голодухи.

Насчёт сытости говорить не приходилось — выжить бы.

— Малая толика — всё лучше, чем ничего, — Гань Буго и сам не претендовал на роль спасителя и кормильца целого мегаполиса. Он просто делал всё, что в его силах, лишь бы люди не гибли от голода.

— Твоя правда, — кивнул Шэньту Цян. — До начала сезона дождей надо успеть заготовить побольше мяса, забить склады припасами и нажечь древесного угля — он хорошо спасает от сырости.

Граду Льда и Снега предстояло подготовить слишком много всего, так что Шэньту Цян и его люди разрывались на части. Гань Буго в своём уединении жил куда спокойнее: людей у него раз-два и обчёлся, а закрома ломились от припасов. Тем не менее, желая помочь Граду пережить первый после конца света сезон дождей, он собрал для них внушительную партию помощи.

Первым делом Шэньту Цян отправил назад рабочих, погрузив на машины всю их честно заработанную плату. Стоило каравану войти в ворота, как Град Льда и Снега буквально всколыхнулся от зависти и удивления.

И ведь проработали-то они всего ничего — какие там два месяца, от силы дней пятьдесят!

А привезли столько, что у соседей глаза на лоб полезли. Даже за вычетом налога в пользу резиденции градоправителя на руках у людей осталось богатство, гарантирующее безбедную жизнь. А уж бобылям вроде Ян Чанлиня и Ли Пина этих запасов хватило бы на сытое и ленивое существование с избытком.

Впрочем, Ян Чанлинь и Ли Пин не стали шиковать, а просто съехались, заняв отдельный двухэтажный коттедж. Отложив себе ровно столько, сколько требовалось, чтобы с комфортом переждать дожди, излишки они отвезли в сиротский приют.

Вице-градоправитель, увидев горы провизии, только шумно выдохнул и покачал головой.

— Этот господин Гань что, последнее отдаёт? Выгрузить столько добра — у него самого-то хоть горсть риса осталась?

— Завтра сделаем ещё несколько ходок, там ещё много всего, — Шэньту Цян невольно улыбнулся одними уголками губ. — Он замечательный человек.

Вице-градоправитель недовольно буркнул под нос:

— Замечательный? В наше время все хорошие люди давно в сырой земле лежат, остались только вы, дуралеи...

Впрочем, не будь сам Шэньту Цян и его команда порядочными людьми, они бы не стали зубами вырывать жизни простых обывателей у мёртвого мира. Но господин Гань... Неужели на свете и впрямь осталась такая бескорыстная душа?

— Ладно, распределите продукты, сезон дождей на носу, надо пережить его без потерь, — вернул его к реальности Шэньту Цян. — И прикажи усилить караулы. Чёрному камню вода не повредит, а вот принести по течению к нам может всё что угодно.

— Не впервой, каждый год так зимуем. В этот раз хотя бы без нашествия мертвецов обойдётся, так что прорвёмся, — вице-градоправитель развернулся и пошёл пересчитывать припасы, чтобы занести в ведомость и сразу раздать нуждающимся.

Шэньту Цян переночевал в резиденции градоправителя всего одну ночь, а наутро снова отправился в путь. Он спешил сделать как можно больше ходок к Гань Буго, пока небо окончательно не затянуло тучами.

Гань Буго без сожаления отгрузил им ещё сто тонн зерна, а также все скопившиеся на складах запасы: вяленый балык, домашние колбасы, детскую красную колбасу, фруктовые консервы и сублимированные овощи.

Снегоходные вездеходы сделали семь или восемь рейсов, работая на износ. Солнечные дни сошли на нет, всё чаще сеялась унылая морось, превращая дороги в скользкое месиво. Во время последней погрузки Шэньту Цян не выдержал и подошёл к Гань Буго:

— Погода окончательно портится. Это мой последний рейс перед тем, как зарядят ливни. Посуды мы тебе навезли впрок, но... как ты здесь будешь один?

— Не переживай, я столько лет прожил в одиночестве, мне не привыкать, — отмахнулся Гань Буго. К тоскливой тишине заброшенной усадьбы он давно притерпелся.

Но у Шэньту Цяна при этих словах болезненно сжалось сердце. Совсем один на много лиг вокруг...

— Чуть не забыл! Я собрал для вас партию лекарств, в дожди они вам очень пригодятся. Рецепт целебного отвара от простуды и ломоты в суставах простой, так что я подготовил десять тысяч готовых порций сухого сбора. И ещё накатал десять тысяч лечебных пилюль. Горькие, конечно, дрянь несусветная, зато на ноги ставят моментально.

Гань Буго, ко всему прочему, оказался знатным фармацевтом.

Шэньту Цян искренне изумился:

— Ты сам катаешь пилюли?

Подобное древнее ремесло и до катастрофы-то мало кто помнил, а уж после апокалипсиса носителей этого знания днём с огнём нельзя было сыскать.

В новом мире медикаменты ценились на вес золота. Фармацевтические гиганты давно лежали в руинах, специалистов не осталось, а уцелевшие крошечные лаборатории едва могли покрыть потребности военных на передовой. Простые обыватели были лишены даже элементарных жаропонижающих, медленно умирая от банальной простуды.

В первые годы после катастрофы миллионы людей сгинули лишь потому, что под рукой не оказалось простейших антибиотиков. Да и сейчас несчётное множество несчастных медленно угасали в своих лачугах, обречённые на смерть из-за пустяковых недугов.

— Ты забыл? Я ведь до катастрофы изучал традиционную медицину... — Гань Буго смущённо потёр кончик носа. — Нас учили делать растительные экстракты и порошки. Аппаратов у меня сейчас нет, вот и приходится крутить шарики по старинке, руками.

Каждую готовую пилюлю он бережно заворачивал в мягкий травяной лист и покрывал пчелиным воском для герметичности. Только так лекарство могло храниться годами, не теряя целебных свойств.

Запечатанное таким макарон снадобье могло лежать года три и оставаться внутри мягким, как свежее тесто.

— О, теперь понятно! — уважительно протянул Шэньту Цян. Традиционное лекарствоведение казалось ему чем-то невероятно сложным и престижным. Сам он из народной медицины знал разве что знаменитый заживляющий порошок «Юньнань Байяо», который эсперы расходовали с величайшей бережливостью, пока его запасы окончательно не иссякли.

— Забирай всё и увози в город. Как дожди закончатся — возвращайся, — Гань Буго не скупился, прекрасно понимая, насколько тяжело людям придётся в сырости.

Суровые северные холода людей пугали мало — к морозам тут привыкли, подкожный жирок у

всех плотный, можно натянуть тулупы, сгрудиться поплотнее вокруг буржуйки и пережить стужу. В конце концов, предки испокон веков коротали зимы на печи. А вот затяжная сырость для северянина была хуже любой пытки.

Сутками напролёт небо висело свинцовым саваном, солнце не показывалось из-за плотных туч, а липкая изморось пропитывала всё вокруг так, словно ты пытаешься дышать под водой. Промозглые южные туманы, перекочевавшие в суровые северные широты, вытягивали из людей последние силы. Поэтому Гань Буго мирился с зимней стужей, пусть даже столбик термометра падал до минус пятидесяти, но люто, всей душой ненавидел сезон дождей.

Заготавливая эти целебные сборы, он в первую очередь думал о том, как помочь Шэньту Цяну сберечь людей. От постоянной сырости у многих выживших начиналась жуткая экзема, которая без должного лечения перерастала в гноящиеся язвы. Гань Буго собрал для них больше десяти тысяч травяных мешочков с противовоспалительным сбором. Травы следовало заваривать в кипятке и протирать поражённые места, чтобы унять зуд и подсушить воспаления.

— Спасибо тебе, — негромко выговорил Шэньту Цян. Других слов, чтобы выразить переполнявшую его благодарность, он просто не находил.

Прежде Град Льда и Снега никогда не видел такого обилия целебных средств. Собственная скромная лаборатория Града производила медикаменты крошечными порциями, которых едва хватало на экстренные случаи. В городской больнице врачи могли разве что обработать раны самодельным спиртом-сырцом да наложить повязку.

— Пустяки, сочтёмся! — Гань Буго махнул рукой на прощание, провожая взглядом скрывающиеся в тумане вездеходы. Солнце не показывалось уже третьи сутки.

Сезон дождей окончательно вступил в свои права: небо заволокло глухой серой пеленой, и на землю бесконечной тоскливой стеной пролилась водяная взвесь.

Когда наступит пик, потоки воды будут изливаться на землю круглые сутки без остановки, изматывая душу своим монотонным, сводящим с ума шумом.

Шэньту Цян и его люди скрылись в серой пелене мелкого дождя. После их отъезда усадьба вновь погрузилась в привычное сонное безмолвие. Буйно разросшаяся зелень, пробуждённая его силой, плотным ковром укрыла склоны холма, превратив его в изумрудный остров посреди угасающего мира.

Впрочем, Гань Буго не собирался бездельничать. Оставшись наедине с собой, он досконально проверил все хранилища, перенося уязвимые продукты в более защищённые отсеки, дабы уберечь их от сырости и неизбежной плесени.

Затем он запечатал все внешние входы и выходы — в такую погоду ни люди, ни мутировавшие

твари носа на улицу не высунут, так что незачем было оставлять ворота открытыми и тратить силы на ежедневные обходы.

Убедившись, что усадьба надёжно законсервирована, Гань Буго с облегчением выдохнул:

— Ну и погодка... Тоска зелёная.

Слушая унылый стук капель по крыше, Гань Буго почувствовал, как на него накатывает хандра. Он со стоном повалился на мягкий бок растянувшегося на полу Сяо Бая и принялся в шутку жаловаться на судьбу:

— Ну за что нам это наказание, а, Сяо Бай? Ну почему природа придумала эти дожди? Да я бы лучше согласился на три лютых бурана посреди лета!

Амурский тигр лишь лениво приоткрыл один глаз.

«Не будь этих дождей, ты бы остался без свежей рыбы, — лениво отозвался Сяо Бай. — Река в низине знатно разлилась, как всегда в это время года. Позже схожу к берегу и наловлю нам к обеду чего-нибудь вкусного»

Здесь, вблизи усадьбы, речная рыба, хоть и мутировала вместе со всем живым, всё же не могла перешагнуть законы природы — отрастить лапы и выбраться на берег, чтобы поохотиться на людей, ей было не под силу.

Зато во время паводка мутировавшая рыба начинала нереститься, и её икра представляла смертельную опасность. Икринки обладали жуткой способностью: они могли проникать под кожу любого живого существа, используя его тело как питательный субстрат. Развиваясь внутри хозяина и высасывая из него соки, подросшие личинки со временем буквально прорывали плоть наружу и устремлялись обратно в реку.

Поэтому полакомиться икрой можно было лишь в том случае, если поймать и выпотрошить рыбу до начала нереста. В остальное время вода, в которой дрейфовали невидимые глазу икринки-паразиты, превращалась в гибельное место.

Однако в природе всё взаимосвязано. В реке обитали особые водные организмы, которые с удовольствием пожирали эти опасные икринки. Они появлялись исключительно в сезон дождей, а с приходом тепла загадочным образом исчезали без следа. Гань Буго от скуки даже пытался выследить их вместе с Сяо Баем, но тщетно. Поскольку уходить далеко от усадьбы он не любил, со временем эти поиски сошли на нет.

— Отличная идея! Выбирай тех, что покрупнее, у которых брюхо туже, — Гань Буго предвкушающе облизнулся. — Приготовим острые рыбные потроха, зажарим нежную мякоть на углях и сдобрим всё жгучим сычуаньским перцем.

Такая перспектива ему определённо нравилась.

Небосклон затянуло бесконечным серым ковром, из которого лениво сеялась водяная пыль. Воспользовавшись тем, что дождь пока не разошёлся в полную силу, Гань Буго наскоро собрал нехитрые снасти и вместе с Сяо Баем отправился к реке, надеясь выудить несколько жирных рыбин на ужин.

Сяо Бай смерил взглядом своего хозяина в чёрном прорезиненном плаще. На фоне его собственной белоснежной шкуры этот наряд смотрелся весьма контрастно и даже стильно. Одно смущало — этому дождевику шёл уже, кажется, восьмой год.

«Твой плащ случайно не протекает? — слышался в мыслях заботливый голос тигра. — Ему ведь лет сто уже, не меньше»

— И ничего он не протекает! Это армейский сверхпрочный вариант, он ещё двадцать лет прослужит, — фыркнул Гань Буго.

Закинув на плечо объёмистый сачок и подхватив тяжёлое пластиковое ведро, он вышел за ворота усадьбы в сопровождении огромного зверя. Перед самым выходом он на всякий случай призвал ещё и Кункуна, который тут же радостно закружил вокруг них.

<http://bllate.org/book/18997/1950522>